

М. И. ЧЕРНЫШЕВА

О ПОНЯТИИ «ВИЗАНТИНИЗМЫ» В ЯЗЫКЕ СЛАВЯНО-РУССКИХ ПЕРЕВОДНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Исследователи, занимающиеся и занимавшиеся памятниками, переведенными с греческого языка, неизбежно сталкивались с фактом отражения оригинала в переводе. Его присутствие заметно на всех уровнях языка. Однако осознанное расчленение явлений исходного языка в языке переводящем (феноменов перевода) до сих пор не доведено до логического конца. Это, во-первых. Во-вторых, не выработана точная терминология, адекватно передающая эти явления. В связи с этим в литературе можно встретить употребление термина, покрывающего собой несколько феноменов перевода, причем, к несчастью, этот факт получил такое распространение, что из работы в работу переходит некритическое повторение усвоенной, однако не проверенной на собственном материале терминологии.

Прежде чем перейти к изложению собственной классификации феноменов перевода и соответствующей терминологии, обратимся к тем исследованиям, которые помогли нам ее выработать.

Первое, на что было обращено внимание ученых, изучавших переводные памятники, — это на так называемые «грецизмы», под которыми понимали не только заимствованные греческие слова, но и переданные кириллицей греческие написания в славяно-русских текстах. Один из первых исследователей вопроса, Ф. Буслаев, выделил ряд таких слов из «Остромирова евангелия» и писал следующее о сфере их употребления и о причинах появления в переводном памятнике: «Грецизмы в „Остромировом евангелии“ по преимуществу ограничиваются названием предметов, касающихся удобств жизни, ремесел, произведений природы, для коих слова или вовсе не существовали, или же были неизвестны переводчикам. Сим последним даже выгодно было употреблять иностранные речения для того, чтобы придать слову величие, не унизив его наименованием предметов жизни ежедневной»¹.

Интерес к «грецизмам» в старославянском и древнерусском языках побудил исследователей проделать важную работу по их выявлению и определению способов фонетической и морфологической адаптации. Трудно переоценить важность работ Ф. Миклошича, Я. К. Грота, А. И. Соболевского, М. Фасмера, В. М. Истрина, В. Погорелова и многих других.

¹ Буслаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык. М., 1848. С. 203.

Свидетельством повышенного интереса к изучению заимствованной греческой лексики в конце XIX в. служит и обоснованное научно заявленное И. Линдеманом о необходимости составления специального исторического словаря грецизмов², и индекс греческих слов в русском языке объемом около 4000 слов, составленный по выборкам из изданных в то время словарей и учебников по разным специальностям А. О. Поспишилем³.

Одновременно исследователи заметили, что не только заимствования из греческого имеют на себе отпечаток исходного языка, но и такие лексемы, которые «составлены по чужому образцу». Их стали понимать как разновидность «грецизмов» или «иноязычных элементов». Их могли называть «заимствованиями нефонетического типа», «кальками» и просто «заимствованиями». С этого момента началась терминологическая путаница, которая продолжается и по сей день. Я. К. Грот в «Филологических разысканиях» так расчленил виды заимствований: 1) усвоение чужих слов без всякого изменения (кроме окончаний по законам языка) — *библия*, *икона*. . .; 2) переделка слова по-своему, т. е. по фонетическим и морфологическим правилам заимствующего языка — *церковь*, *налой*, *кадило*. . .; 3) перевод слова, составленного по чужому образцу («словосоставления») — *благословлять*, *провидѣние*⁴. . . И. Линдеман, помимо собственно «грецизмов», выделяет также «сложные переводные грецизмы», например *багрянородный* — *πορφυρογέννητος*, *баснословить* — *μυθολογείν*; «простые переводные грецизмы»: *бояринъ* (*боляринъ*) — *μεγιστάν*, *вселенная* — *οἰκουμένη*, *грядущее* — *τὰ ἐρχόμενα*, *естество* — *οὐσία*, *кадило* — *θυμιατόν*, *θυμιατήριον*, *огневица*, *огневая* — *πυρετός*, *творецъ* — *ποιητής*, *творчество* — *ποίησις* [нами приведен весь его список «простых переводных грецизмов» — М. Ч.]; выражения, которые И. Линдеман также относит к «переводным грецизмам»: *до скончания вѣка* — *ἕως τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος*, *невѣста неневѣстная* — *νόμφη ἀνόμφετος*⁵. Принципы вычленения этих типов «грецизмов» не оговорены. Можно только догадываться, что перед нами некие феномены перевода.

«Лексическими грецизмами» называет заимствования Н. А. Мещерский⁶, «грецизмами» — В. Ф. Дубровина⁷.

Если сделать экскурс в историю изучения заимствований вообще, а не только «грецизмов», то обнаружится сходная картина расчленения феноменов перевода и подыскания соответствующей терминологии. Так, Э. Рихтер выделяет следующие разряды «иноязычных элементов»: 1) заимствование чужой формы и чужого значения; 2) заимствование чужой формы для выражения своего значения; 3) заимствование чужого значения в родной форме⁸. Подробнее о структурных дифференциациях заимство-

² Линдеман И. Греческие слова в русском языке // Циркуляры по Московскому учебному округу за 1895 г. Прил. М., 1895.

³ Поспишил А. О. Греческие слова в русском языке. Киев, 1901.

⁴ Грот Я. К. Филологические разыскания Я. Грота. СПб., 1876. Т. 1. С. 2.

⁵ Линдеман И. Греческие слова. . . С. 76—79.

⁶ Мещерский Н. А. К вопросу о заимствованиях из греческого в словарном составе древнерусского литературного языка // ВВ. 1958. Т. 13.

⁷ Дубровина В. Ф. Из наблюдений над употреблением грецизмов в переводном тексте русской рукописи XI в. // Источниковедение и история русского языка. М., 1964; Она же. К изучению слов греческого происхождения в сочинениях древнерусских авторов // Памятники русского языка: Вопросы исследования и издания. М., 1974.

⁸ Richter E. Fremdwortkunde. Leipzig, 1919. С. 86 (цит. по кн.: Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968).

ваний писал Л. П. Крысин: «Деление всех заимствований на заимствованные слова, заимствованные морфемы и заимствованные значения. . . осуществлено на основе. . . структурного принципа и отражает не функционирование иноязычной лексики в языке-заимствователе, а скорее возможности и разновидности, в которых может осуществляться переход лексических единиц из одного языка в другой»⁹.

Классификация Э. Хаугена основана на степени морфологической замены (*morphemic substitution*), она выражается в следующих составляющих: 1) слова без морфологической субституции (*loanwords*), т. е. полностью соответствующие их прототипам в языке-источнике (заимствования); 2) слова с частичной морфологической субституцией (*loanblends*), или гибриды, т. е. слова, лишь частично состоящие из иноязычных элементов (полукальки); 3) слова с полной морфологической субституцией (*loanshifts*), т. е. кальки. В этой группе объединяются словообразовательные и семантические кальки¹⁰. Название «*semantic loans*» для семантических калек Хауген отвергает, считая, что все «*loans*» — заимствования и кальки — являются семантическими.

Соображение об особом положении калек постоянно проскальзывает в работах, посвященных данной проблематике. Так, Б. Унбегаун различает кальки и заимствования следующим образом: заимствование — это перенос формы звуковой и формы значащей; в кальке заимствовано значение, внешняя же форма принадлежит заимствующему языку. Б. Унбегаун дает следующее определение калек: «Калька есть заимствование внутренней формы»¹¹. Б. Унбегаун расчленяет кальки на три группы: кальки — *calques* (*Lohnübersetzungen*), семантические кальки — *calques sémantiques* (*Lohnbedeutungen*) и фразеологические кальки — *calques phraséologiques* (*Lohnwendungэн*).

Л. П. Ефремов призвал к разграничению собственно заимствований и калек как качественно различных явлений: «Заимствованные слова и кальки имеют общее только в одном отношении: и у тех и у других есть иноязычные предшественники. Однако слова иноязычного происхождения создаются из заимствуемого материала в результате его фонетической переработки и придания ему грамматической оформленности, в то время как в кальках нет ничего заимствованного и они лишь по мотивировке появления связаны со своими прообразами»¹².

Известно большое число работ, посвященных собственно калькам, которые исследователи анализируют самостоятельно, отделив их как специфический языковой феномен от заимствований.

С. Синге различает две группы калек: *Bedeutungsentlehnungen* = *Bedeutungslehnwörter* (семантические кальки) и *Bildungslehnwörter* (словообразовательные кальки)¹³. К. Сандфельд-Ензен, анализируя кальки, делит их на три группы, первая — семантические заимствования *emprunt*

⁹ Крысин Л. П. Указ. соч. С. 14, сн.

¹⁰ Haugen E. The Analysis of Linguistic Borrowing // *Language*. 1950. Bd. 26, 2. S. 214—215.

¹¹ Unbegaun B. Le calque dans les langues slaves littéraires // *RÉES*. 1932. Т. II. P. 19.

¹² Ефремов Л. П. Сущность лексического заимствования и основные признаки освоения заимствованных слов: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Алма-Ата, 1959. С. 17. См. также: Он же. Основы теории лексического калькирования. Алма-Ата, 1974. С. 16.

¹³ Singe S. Beiträge zur vergleichenden Bedeutungslehre // *ZfdW*. 1902. Т. III, Н. 3. S. 221.

sémantique (*фр.* canard, *нем.* Ente); во вторую группу объединяет слова, возникшие путем перевода, — это точный перевод (*лат.* paeninsula, *фр.* presqu'île), свободная интерпретация (*лат.* paeninsula, *нем.* Halbinsel); суффиксальные образования, не все суффиксы которых переведены точно; передача сложным словом (*лат.* purgatorium, *нем.* Fegefeuer); перевод половины слова (*нем.* wohlthätig, *дат.* veldaedig); третья группа — фразеологические кальки (*фр.* faire la cour, *нем.* den Hof machen)¹⁴. О. Вейзе предлагал термин Begriffslehnwörter для калек вообще (К. Флекенштейн переводит этот термин как «понятийное заимствование»¹⁵), где Etsatzlehnwörter — собственные образования, заменяющие иноязычное слово (*нем.* Umwelt — *фр.* milieu); Bedeutungslehnwörter — слова, получившие иное значение под иноязычным влиянием (*нем.* Kammer (ср. Volksvertretung) — *фр.* chambre); Bildungs- или Übersetzungslehnwörter — слова, передающие строение исходных¹⁶.

В. Бец делит кальки на Lehnbildungen и Lehnprägungen. Первая группа состоит из следующих типов: 1) Lehnübersetzungen-Glied-für-Glied-Übersetzungen — точные словообразовательные кальки: *нем.* Wolkenkratzer — *англ.* skyscraper. Они, в свою очередь, делятся на bereichernde Lehnübersetzungen («обогащающие кальки»), т. е. такие словообразовательные кальки, которые не возникли бы без влияния другого языка, и entwickelnde Lehnübersetzungen («развивающиеся кальки»), т. е. такие, которые могли бы возникнуть самостоятельно; 2) Lehnübertragungen — словообразовательные кальки, передающие свободно исходное слово: *нем.* Vaterland — ср. *лат.* patria. Здесь также различаются «обогащающие» и «развивающиеся кальки»; 3) Lehnschöpfungen — образования, самостоятельно передающие исходное слово: *нем.* Umwelt — ср. *фр.* milieu. Вторая группа (Lehnprägungen): семантические (Lehnbedeutungen) и фразеологические (Lehnwendungen) кальки¹⁷.

К. Шуман, применив европейскую терминологию, подробно разработал типы калек в «древнеболгарском» языке¹⁸. В основном следуя классификации Беца, он делит кальки (Lehnprägungen) на 1) Lehnübersetzungen (точный перевод исходного слова), среди которых выделяет Komposita — сложные слова: *нем.* Um-stand — *лат.* circum-stantia; *дрболг.* ино-рогъ — *дрболг.* провѣ-жерѣс, и Ableitung «словопроизводство»: *гот.* bok-areis — *греч.* γραμματ-εὺς; 2) Lehnübertragungen — слова, в которых обнаруживается частичное соответствие исходному: *нем.* Vaterland — *лат.* patria; *дрболг.* въсынение — *дрболг.* вѣдѣоѣа; 3) Lehnbedeutungen — слова, перенимающие значение слова другого языка: *дрболг.* покой 'забвение, смерть' — *дрболг.* хоѣрѣсѣс — первоначально 'сон'; 4) Lehnwendungen — передача способа речи другого языка: *дрболг.* шьствие творити — *дрболг.* πορεύειν πορεύειν; *нем.* einen Weg machen — *лат.* iter facere; 5) Lehnsyntax — перенимание иноязычных синтаксических оборотов: а) перенимание синтаксической функции другого языка: *дрболг.* аште

¹⁴ Sandfeld-Jensen K. Notes sur les calques linguistiques // Festschrift für V. Thomsen. Leipzig, 1912. S. 166—173.

¹⁵ Флекенштейн К. О некоторых теоретических проблемах калькирования // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1966. Вып. 5. С. 153, сн. 15.

¹⁶ Weise O. Unsere Muttersprache, ihr Werden und ihr Wesen. Leipzig; В., 1925. S. 165—166.

¹⁷ Betz W. Deutsch und Lateinisch: Die Lehnbildungen der althochdeutschen Benediktinerregel. Bonn, 1949. S. 24—27.

¹⁸ Schumann K. Die griechische Lehnbildungen und Lehnbedeutungen in Altbulgarischen. Wiesbaden, 1958.

в вопросительном предложении соответствует греч. εἰ; *впрашааше и аште что видитъ* — ἐπιρῶτα αὐτόν, εἴ τι βλέπει, б) образование сочетания слов по иноязычной синтаксической конструкции: нем. das ist meines Amtes — лат. hoc mei officii (употребление Gen.); в) Teillehnwörter — слова, в которых половина представляет собой Lehnübersetzung, а половина — Fremdwort (иноязычие). Эти образования редки.

Ягич¹⁹ приводит пример: *богостигъ* — θεοστύγης. К. Шуман сомневается в возможности отнести группу Lehnerschöpfungen (у Беца²⁰ — формально независимые новообразования, передающие иноязычное слово: нем. Umwelt — фр. milieu) к Lehnprägungen. К. Шуман выделяет новую группу калек Lehngliedzusätze, которая представляет собой контаминацию обычного перевода (Analogiesetzung) и словообразовательной кальки (Lehnübersetzung): дрболг. *доброговѣинъ* — εὐλαβήс²¹.

Попытка создания универсальной терминологии для калек находится в работе Н. Мольнара, посвященной калькам греческого происхождения в старославянских евангельских текстах, где суммированы все данные, накопленные филологической наукой в данной области. Это: а) calques (кальки) интернациональный термин для всех калек вообще (у Беца: Lehnprägungen); б) real structural calques (у Беца: Lehnübersetzungen); этот тип может быть представлен или сложным, или производным словом: ὀλιγόπιστος — *маловѣръ*, γνωστός — *знаемъ*; в) semicalques (полукальки), или partial translation loanwords; этот термин можно использовать не только для отдельных слов, но и для обозначения группы слов, например: венг. pechje van от нем. er hat Pech «ему не везет»; г) calque neologisms или pseudocalques — кальки-неологизмы или псевдокальки (у Шумана: Lehnerschöpfung); категория, названная Бецем и Шуманом Lehnübertragung, также относится к calque neologisms. Примеры: ὁ ὑποκριτής — *лицемеръ*, τὰ ἄζυμα — *опрѣсьнъци*, ὁ οἰκοδεσπότης [ἄνθρωπος] — *домовитъ* (*чловѣкъ*); в случаях, названных Шуманом Lehngliedzusätze, может быть использован термин calquoidе (калькоид); д) semantic calques — семантические кальки (у Беца и Шумана Lehnbedeutungen); е) phraseological calques — фразеологические кальки (Lehnwendungen); ж) syntactic или morphological calques — синтаксические или морфологические кальки — при воспроизведении в переводе синтаксических структур морфологических склонений и спряжений; з) phenomenological calques²². Н. Мольнар высказал важную мысль о взаимосвязи калек и заимствований: «Образование калек является диалектически биполярным феноменом — и результат его также биполярен, диалектически симптоматичен: по своей фонетической структуре калька принадлежит к переводящему языку, по своему содержанию — к переводимому языку, из которого оно заимствовано»²³.

Анализу «сложных слов» в Ефремовской кормчей в их отношении к языку греческого оригинала посвящена работа Л. В. Вялкиной, которая считает сложным словом «минимальную лексическую единицу, состоящую

¹⁹ Jagich V. Die slavischen Composita in ihren sprachgeschichtlichen Auftreten // AfslPh. 1898. Bd. XX. S. 552.

²⁰ Betz W. Op. cit. S. 28.

²¹ Schumann K. Op. cit. S. 3—5.

²² Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. Budapest, 1985. P. 64—66.

²³ Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts // Stsl. 1964. T. X. P. 126.

из двух и более знаменательных элементов (корневых морфем), обладающую единством грамматического оформления и входящую в состав одной из частей речи»²⁴.

Некоторые семантические и фразеологические кальки, возникшие под влиянием греческого языка в древнерусской письменности, рассмотрены в работе М. М. Копыленко²⁵. Он писал следующее: «Всякое иноязычное влияние в лексико-семантической сфере того или иного языка отражается либо в виде появления в нем иноязычных лексем (ксенонимов), либо в виде калькирования. Под калькированием понимается заимствование: а) словообразовательной структуры лексем (словообразовательные кальки), б) широкой сочетаемости лексем (семантические кальки), в) ограниченной сочетаемости лексем (фразеологические кальки — гнезда), г) индивидуальной сочетаемости лексем (индивидуальные фразеологические кальки)»²⁶.

Теоретическим проблемам калькирования посвящены работы К. Флекенштейн. Флекенштейн предлагает в качестве критериев выделения калек исходить из следующих языковых фактов: 1) необходимо проводить тщательный словообразовательный анализ (т. е. выявлять формы сочетаемости двух корней в одно слово, формы соединения корней и аффиксов), который позволит определить кальки, т. е. позволит констатировать, что слово, образованное по иноязычной модели, несколько отличается от самостоятельных образований; 2) следует учитывать семантические данные, т. е. выявлять, насколько значение целого слова, прежде всего сложного, вытекает из значения составных частей. Кроме того, следует 3) использовать и внеязыковые факторы, т. е. выяснять, насколько образ, положенный в основу наименования и мотивировки наименования, является естественным, а также определять 4) входит ли такое название в группу слов, основанных на том же или близком образе, или стоит особняком. Необходимо также обращать внимание на варианты слова, синонимические образования²⁷.

Что касается собственных наблюдений ученого, то для нас важно, что К. Флекенштейн останавливается на трудностях классификации слов, передающих исходное немецкое сложное слово, — это то сложение (*мировоззрение* — нем. *Weltanschauung*), то сочетание прилагательного с существительным (*детский сад* — нем. *Kindergarten*), то два существительных (*свобода мыслей* — нем. *Gedankenfreiheit*). В результате исследования такие словосочетания отнесены к фразеологическим калькам²⁸.

Специально теорией лексического калькирования занимался также Л. П. Ефремов. Его классификация определена следующим образом: «В зависимости от того, каким способом осуществляется калькирование (представляет ли оно словообразование, новое применение старого слова или создание фразеологической единицы), и, следовательно, от того, что им порождается (слово, новое значение прежнего слова, фразеологизм),

²⁴ Вякина Л. В. Сложные слова в древнерусском языке в их отношении к языку греческого оригинала: (на материале Ефремовской кормчей) // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964. С. 95.

²⁵ Копыленко М. М. Кальки греческого происхождения в языке древнерусской письменности // ВВ. 1973. Т. 34.

²⁶ Там же. С. 141.

²⁷ Флекенштейн К. О некоторых теоретических проблемах калькирования // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1966. Вып. V. С. 170—171.

²⁸ Там же. С. 156.

различают *словообразовательное, семантическое и фразеологическое* калькирование. Два первых вида калькирования объединяются под названием «лексическое калькирование»²⁹. Словообразовательное калькирование понимается как двустороннее явление: «по отношению к своему объекту оно перевод, а по способу осуществления и по отношению к своему результату (кальке) — словообразование, основанное на использовании мотивированности калькируемого объекта»³⁰. Следует обратить внимание на высказывание Л. П. Ефремова о том, что как «структурное точное чужемодельное калькирование», так и «структурно неточное своемодельное калькирование» (что определено нормой калькирующего языка) предпринимаются не ради воспроизведения структуры калькируемого объекта, а ради воспроизведения семантики (NB!)³¹.

Наоборот, Ю. С. Сорокин предлагает термин «калька» применять только «к одному кругу лексико-фразеологических переводов иностранных слов, а именно к тем словам и устойчивым сочетаниям слов, не только семантика, но и *структура* (выделено нами. — М. Ч.) которых непосредственно отвечает семантике и структуре слов и выражений и о которых можно с достаточной определенностью сказать, что они появились под воздействием соответствующих иностранных слов и выражений как их перевод и буквальная передача. Единство этих трех признаков создает необходимые условия для признания того или иного слова или сочетания слов калькой в собственном, тесном смысле этого слова»³². Таким образом, семантические кальки этот исследователь исключает из состава калек как не имеющие достаточно четких лингвистических характеристик и точных критериев вычленения³³. Все явления семантического сближения, появившиеся под воздействием иноязычного источника, Ю. С. Сорокин предлагает называть «семантической индукцией». «Совпадение «во внутренней форме», в структуре слов обоих языков, так же как и синонимичность их в исходном, основном «собственном» значении, является моментом, облегчающим эту «семантическую индукцию»³⁴.

Между тем ощущение родства между заимствованиями («грецизмами»), кальками, описательными выражениями и отдельными словами, называемыми то «простые переводные грецизмы» (И. Линдеман), то «семантические кальки» (по другой терминологии), не покидает исследователей. Так, в культуроведческой работе Д. П. Богдана одним термином «византизмы» определяются как многочисленные разнородные показатели соприкосновения двух культур (здесь: румынской и византийской) — использование красных чернил валашскими и молдавскими господарями в подражание византийским императорам, возникновение кириллического письма под влиянием византийского уставного письма, постановка креста на валашских документах в конце собственноручной подписи грамотодателя, византийский и неовизантийский орнамент, употребление пергамента для особо важных актов и т. д., — так и «византизмы языка»³⁵. Сюда попадают, по всей видимости, не только перечисленные исследова-

²⁹ Ефремов Л. П. Основы. . . С. 48.

³⁰ Там же. С. 21.

³¹ Там же. С. 49—50.

³² Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. М.; Л., 1965. С. 165.

³³ Там же. С. 13, 144—146.

³⁴ Там же. С. 166.

³⁵ Богдан Д. П. О византизмах в славяно-русских текстах // ВВ. 1963. Т. 23. С. 67.

телем заимствованные слова и некоторые приведенные им кальки типа: *живописаніе* (*живописецъ*), *ржкѣписаніе*, *свѣщенноинокъ*, — но и отдельные сочетания, названные «византийским переложением»³⁶: *въсеи ѿггровлахиѡ* — *πάσης Ὀγγροβλαχίας* (что доказывается орфографией: γγ), — а также некоторые слова, определить лингвистический статус которых исследователь не взялся: «Что же касается слова *повелѣніе*, характеризующего некоторые акты и документы господарей румынских княжеств, то оно является буквальным переводом слов *ὀρισμός* и *πρόσταγμα*, употреблявшихся в византийской канцелярии»³⁷.

В дальнейшем удачный термин «византизмы» в применении к заимствованным словам использовала Т. А. Иванова: «Так как языковой контакт славян с греками был длительным и начался задолго до появления первых славянских переводов, то и заимствования из греческого языка, как известно, относятся к разным периодам греко-славянских связей. Поэтому вместо более широкого термина *грецизм*, употребляемого многими исследователями по отношению к любым заимствованиям из греческого языка, считаем более точным греческие заимствования, связанные с славянским переводом византийской литературы, называть *византизмами*. Этим термином мы называем не только греческие по происхождению слова, но и слова из других языков, заимствованные, однако, через византийское посредство»³⁸. Она, между прочим, указывает, что «остаются не до конца уясненными в теоретическом плане различия между двумя типами заимствованной лексики: „прямыми“, „лексическими“ и „переводными“, „словообразовательными“ заимствованиями (кальками)»³⁹. Итак, лексические заимствования или, по ее же терминологии, «византизмы», и кальки — два типа заимствований.

О том, что термин «кальки» охватывает явления разного порядка, уже было сказано, сейчас же следует заметить, что и традиционное понятие «грецизмы» — заимствования при внимательном изучении языковых фактов переводных памятников, оказывается, включает, по мнению одних ученых, по крайней мере, две составляющие или три, по мнению других.

Л. П. Крысин на материале современного русского языка вычленил из понятия «заимствования», помимо собственно заимствований, такие самостоятельные феномены, как «экзотическая лексика» («экзотизмы») ⁴⁰ и «иноязычные вкрапления» ⁴¹. Он определяет признаки заимствования следующим образом: а) графемно-фонетическая передача иноязычного слова средствами заимствующего языка; б) соотнесение его с определенными грамматическими классами и категориями; в) семантическая самостоятельность слова, отсутствие у него дублетных синонимических отношений со словами, существующими в языке-заимствователе; г) для слова литературного языка — употребление его не менее чем в двух разных речевых жанрах, для термина — регулярное употребление в определенной терминологической сфере» ⁴². Об *экзотизмах* говорится, что они появля-

³⁶ Там же. С. 66.

³⁷ Там же. С. 64.

³⁸ Иванова Т. А. О морфологической адаптации заимствованной лексики в «Синайском патерике» // Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1977. Вып. 2. С. 5.

³⁹ Там же. С. 3.

⁴⁰ Ср. также: Супрун А. Е. «Экзотическая» лексика // НДВШ. ФН. 1958. № 2.

⁴¹ Ср. также: Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопр. культуры речи. М., 1966. Вып. 7.

⁴² Крысин Л. П. Указ. соч. С. 42—43; ср. также более полную характеристику на с. 35.

ются в текстах определенной тематики, а также при описании обрядов, быта, домашней утвари, обычаев, одежды и т. п. того или иного народа, той или иной страны. Употребление *иноязычных вкраплений* обусловлено степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи⁴³. Л. П. Крысин пишет: «Экзотическая лексика и иноязычные вкрапления, в отличие от заимствованных слов, не теряют ничего или почти ничего (ср. графический облик) из черт, присущих им как единицам языка, которому они обязаны своим происхождением. Они не принадлежат, подобно заимствованиям, системе использующего их языка, не функционируют в нем в качестве более или менее прочно связанных с лексическим и грамматическим строем этого языка единиц»⁴⁴. Таким образом, экзотизмы и иноязычные вкрапления не являются заимствованными словами, они не усвоены языком.

Использование классификации Л. П. Крысина находим в работе А. И. Журавского, проанализировавшего под этим углом зрения лексику старобелорусской письменности. Он установил, что заимствования «выполняли определенную коммуникативную или номинативную функцию и полностью адаптировались в фонетическом, морфологическом и семантическом отношении»; в свою очередь, *экзотическая лексика* «содействовала повышению образовательного уровня тогдашних читателей, пополняла их знания представлениями и понятиями из жизни других народов»⁴⁵, *иноязычные вкрапления* «в большинстве своем имеют адекватные соответствия в языке-заимствователе, сохранение их в переводных текстах мотивируется различными соображениями филологического порядка. . . Они свидетельствуют о. . . сознательном стремлении познакомить читателя с элементами чужого языка»⁴⁶.

Е. М. Верещагин, анализируя в первых евангельских переводах способы передачи греческих фонем, выражающихся на письме буквами *υ* и *ϑ*, предложил называть греческие слова, переданные кириллицей с употреблением этих букв, «используемыми лексемами»: «используемыми лексемами могут быть названы такие иноязычные лексеммы, которые, будучи введены в речь в условиях активного билингвизма, либо совершенно не подвергаются фонематической адаптации, либо подвергаются адаптации, протекающей как вероятностный процесс»⁴⁷.

Следуя за Е. М. Верещагиным, Т. А. Иванова при анализе языка «Синайского патерика» (XI в.) называет «византизмы», не обладающие «формальным статусом», т. е. не имеющие форм словоизменения, «используемыми лексемами», в отличие от заимствованной лексики, адаптированной морфологически или деривационно⁴⁸.

Таким образом, достаточно ясно, что в переводах вообще и в ранних славяно-русских переводах в частности так или иначе находит отражение оригинал. Явления отражения — мы называем их феноменами перевода —

⁴³ Крысин Л. П. Иноязычные слова. . . С. 47.

⁴⁴ Там же. С. 49.

⁴⁵ Журавский А. И. Экзотическая лексика и иноязычные вкрапления в старобелорусской письменности // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточно-славянских языков. М., 1974. С. 139.

⁴⁶ Журавский А. И. Экзотическая лексика. . . С. 141.

⁴⁷ Верещагин Е. М. К вопросу об использовании греческой лексики в первых славянских переводах // СС. 1967. № 6. С. 52. Ср. также: *Он же*. Из истории возникновения первого литературного языка славян: Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972. С. 130—131.

⁴⁸ Иванова Т. А. О морфологической адаптации. . . С. 6—7.

несут на себе печать исходного языка. Поскольку речь идет о переводах греческих текстов византийского периода, то данные феномены перевода можно именовать «византизмами». Византизмы проявляются во всех сферах языка, начиная с фонетики, кончая синтаксисом. Так, *фонетическими византизмами* можно считать все фонетические явления греческого языка византийского периода, нашедшие отражение в переводе. О *морфологических византизмах* можно говорить в случае перенесения в переводящий язык морфологических показателей исходного языка. *Лексические византизмы* включают следующие понятия. 1) *Займствованные слова* — это лексемы, приживаемость и употребительность которых доказуема, помимо фонетической и морфологической адаптированности. 2) *Займствуемые слова* — это слова, употребительность или приживаемость которых ставится под сомнение, хотя они адаптированы морфологически и чаще всего фонетически; именно эти слова называют «экзотизмами» («экзотизмы» — это как бы гипотетические, пробные заимствования). 3) *Иноязычные вкрапления* — из встречающихся названий «морфологически неадаптированная лексика», «слова, не имеющие форм словоизменения», «используемые лексемы» мы выбрали *иноязычные вкрапления* (для старославянского и древнерусских переводов с греческого языка это будут главным образом *греческие, македонские, латинские* вкрапления — последние через греческое посредство); иноязычными вкраплениями мы называем лексемы, несущие следующие следы исходного языка: передача кириллицей греческого звукового облика, морфологическая неадаптированность (т. е. сохранение греческих падежных окончаний или спрягаемых глагольных форм) и семантическая наполненность, свойственная переводимому языку. Так, в древнерусском переводе «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия встретилась неадаптированная глагольная форма 2-го лица множественного числа от ἀδοξεῖω: «и едины же *вы [в рукоп.: мы] адоксите (ἀδοξεῖτε) стражем, имже покораше сд вслческаа»⁴⁹. Н. А. Мещерский предлагает следующий перевод этого места: «Только вы не оказываете почтения начальникам, которым покоряются все»⁵⁰. В славянском переводе «Хроники» Иоанна Малалы оставлена форма винительного падежа причастия от φαέθω: «Глють. . . Дыд фаэфонта» (τὸν φαέθοντα)⁵¹ — «Называют Дия блистающим»⁵². 4) *Различные виды калек*, которые делятся на два больших подтипа: а) *структурные калки*, строение которых, т. е. внешняя форма, заданы оригиналом (наиболее значительно здесь представлены *словообразовательные калки*), и б) *семантические калки*, зависимость которых от переводящего языка — в семантике (достойна самого серьезного внимания типология калек К. Шумана, наши наблюдения о калках см.⁵³).

Выделенные выше фонетические и морфологические византизмы находятся в подчиненном положении по отношению к лексическим византи-

⁴⁹ Istrin V. La prise de Jérusalem de Josèphe le Juif. P., 1934. Vol. 1. P. 76.

⁵⁰ Мещерский Н. А. История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 497.

⁵¹ Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Кн. II // Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1902. Т. X: Виз. слав. отд. VII. С. 466.

⁵² Чернышева М. И. К характеристике славянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы: (Роль иноязычных вкраплений) // ВВ. 1983. Т. 44.

⁵³ Чернышева М. И. Византизмы в языке «Хроники» Иоанна Малалы: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1987. С. 13—16.

низмам, они характеризуют эту специфическую лексику с разных сторон.

Кроме того, можно говорить также о существовании *синтаксических византизмов* в том случае, если исследователь замечает влияние греческого синтаксиса (управление падежей, конструкции, порядок слов, фразеология, гипотаксис) на переводящий язык.

Термин «византизмы», с одной стороны, лингвистичен (*-измы* по аналогии с *грецизмы*), а с другой стороны, историчен, так как определенно указывает на время их появления и направление культурного влияния. Таким образом, «византизмами» называется совокупность языковых образований, появившихся в славяно-русских переводах либо непосредственно из греческого языка византийской эпохи, либо под его влиянием.

Следует заметить, что близость «византизмов» по природе подтверждается их взаимозаменяемостью в каждом конкретном переводном памятнике⁵⁴.

Употребляемый также нами термин «феномены перевода» шире более конкретного «византизмы», поскольку включает такие факты, характеризующие переводящий язык, как: различные виды эквивалентов, неадекватные эквиваленты, ошибки, глоссы.

Думается, изучение «византизмов» в предложенной системе перспективно, поскольку позволяет ощутить пульсирующую структуру языка переводного памятника этапа складывания первого литературного языка славян.

⁵⁴ Чернышева М. И. Эквиваленты, заимствования и кальки в первых славяно-русских переводах с греческого языка // ВЯ. 1984. № 2. С. 127—128.